

Максим Горький

Покойник

Максим Горький

Покойник

«Public Domain»

1912

Горький М.

Покойник / М. Горький — «Public Domain», 1912

«...Я шагаю не торопясь по мягкой серой дороге между высоких – по грудь мне – хлебов; дорога так узка, что колосья опачканы дегтем, спутаны, поломаны и лежат в колеях, раздавленные. Шуршат мыши, качается и никнет к сухой земле тяжелый колос; в небе мелькают стрижи и ласточки, значит – где-то близко река и жильё. Глаза, блуждая в золотом море, ищут колокольни, поднятой в небо, как мачта корабля, ищут деревьев, издали подобных темным парусам, но – вокруг ничего не видать, кроме парчовой степи: мягкими увалами она опускается к юго-западу, пустынна, как небо, и так же тиха. В степи чувствуешь себя, как муха на блюде – в самом центре его, чувствуешь, что земля живет внутри неба в объятии солнца, в сонме звезд, ослепленных его красотою...»

Максим Горький

Покойник

...Я шагаю не торопясь по мягкой серой дороге между высоких – по грудь мне – хлебов; дорога так узка, что колосья опачканы дегтем, спутаны, поломаны и лежат в колеях, раздавленные.

Шуршат мыши, качается и никнет к сухой земле тяжелый колос; в небе мелькают стрижи и ласточки, значит – где-то близко река и жилье. Глаза, блуждая в золотом море, ищут колокольни, поднятой в небо, как мачта корабля, ищут деревьев, издали подобных темным парусам, но – вокруг ничего не видать, кроме парчовой степи: мягкими увалами она опускается к юго-западу, пустынна, как небо, и так же тиха.

В степи чувствуешь себя, как муха на блюде – в самом центре его, чувствуешь, что земля живет внутри неба в объятии солнца, в сонме звезд, ослепленных его красотой.

Вот оно – большое, рдяно-красное – далеко впереди на синем краю неба важно опускается в белоснежные бугры облаков; колосья осыпаны розовой пылью заката, васильки уже потемнели, и в предвечерней тишине ясно слышишь всё, о чем поет земля.

В небе веером раскинуты красные лучи, один из них касается моей груди и, точно жезл Моисея, вызывает к жизни горячий поток мирных чувств: хочется крепко обнять вечернюю землю и говорить ей певучие, большие, никем не сказанные слова.

Посеяны звезды в небе, и земля – звезда; посеяны люди на земле и я среди них, чтобы бесстрашно ходить по всем дорогам, видеть всякое горе, всю радость жизни и вместе с людьми пить мед и яд.

...Есть хочется, а в котомке с утра – ни кусочка, это мешает думать и несколько обидно. Такая богатая земля, и так много сработал на ней человек, а кто-то голоден...

Вдруг дорога повернула в правую сторону – распахнулась стена хлебов и открыла степную балку, по дну ее вьется голубая река, новый мост висит над нею, отраженный в воде, – мост желтый, точно из репы вырезан. За мостом приникли к пологому угорью семь белых хат, на угорье – левада, высокие осоки бросают на деревню длинные пушистые тени, стреноженный конь ходит между серо-серебряных стволов, взмахивая хвостом; густо веет дымом, дегтем, моченой коноплей, кудахчут куры и устало плачет ребенок – сейчас он заснет. Если бы не эти звуки, можно думать, что всё в балке наскоро, но умелой рукой написано ласковыми красками – они уже поблекли на солнце.

В полукруге хат – криница, рядом с нею – красная часовенка, узкая и высокая, она – точно одноглазый сторож. Наклоняется к земле, поскрипывая, длинный журавль; баба, вся белая, черпает воду, подняла вверх голые руки, вытянулась, и кажется, что сейчас взлетит на воздух, легкая, как облако.

Около криницы блестит черная грязь, точно измятый бархат; двое молодцов, лет пяти и трех, оба бесштаные, заголившись по пояс, молча тискают грязь желтыми ногами, точно желая вмесить во влажную массу красный блеск солнца. Эта добрая работа очень занимает меня, я смотрю на солидных мальцов сочувственно, с живым интересом – солнце и в грязи на своем месте, чем глубже в землю проникнет оно, тем лучше и земле и людям!

Сверху – всё словно на ладони. Семь хат на хуторе – не найдешь здесь никакой работы, но – приятно будет поболтать вечеров с добрыми людьми. Иду на мост, полный задорного и веселого желания рассказывать людям разные чудесные истории, – ведь это необходимо для них, как хлеб.

Из-под моста встречу мне – точно кусок земли ожил – поднялся крепкий, давно нечесанный, небритый человек в широких синих штанах, в раскрытой холщовой рубахе, серой от грязи.

- Добрый вечер!
- И вам. Где идете?
- Это какая река?
- Это? А Сагайдак же...

На его большой круглой голове буйно выются полуседые кудри, усы коротко подстрижены. Маленькие глаза смотрят зорко, недоверчиво и, видимо, считают количество дыр и заплат на моей одежде. Вздыхнув глубоко, он вынул из кармана глиняную трубку на камышовом чубуке, прищунив глаз, внимательно посмотрел в черную ее дыру и спросил:

- Спички есть?
- Есть.
- А табак?
- И табаку есть немного.

Он подумал, глядя на солнце, утопающее в облаках, потом сказал:

- Дайте ж мне табаку! Спички я тоже имею.

Закурили. Положив локти на перила моста, он оперся спиной о брус, долго пускал в воздух голубые струйки дыма, приюхиваясь к ним. Сморщил нос, сплюнул.

- Московской табак?
- Роменский, Рыморенка.
- Ого, – сказал он, расправив морщины на носу, – добрый табак!

Неловко идти в хату прежде хозяина; я стоял рядом с этим человеком и, ожидая, когда он кончит свои неторопливые расспросы – кто я, откуда, куда, зачем, – немножко сердился на него: хотелось поскорее знать, чем встретит хутор.

- Работа? – цедил он сквозь усы. – Ни, работы нема. Какая ж теперь работа?

Отвернулся и сплюнул в реку.

На том берегу, важно качаясь, шла гусыня, за нею желтыми шариками пуха катились гусенята; две девочки провожали их, одна – в красном платке и с прутом в руке – побольше гусыни, другая – такая же, как птица, белая, толстая, косолапая и важная.

- Юфим! – надрывно кричал невидимый голос.

Человек качнул головою и одобрительно сказал:

Вот глотка!

Потом стал шевелить пальцами черной потрескавшейся ноги, долго разглядывал обломанные ногти и наконец спросил:

- Мабудь, вы – письменный?
- А что?
- То, коли письменный, може, почитали бы книгу по покойнику?

Видимо, ему понравилось это предложение – веселая рябь прошла по его плюшевому лицу.

– Разве ж это не работа? – говорил он, пряча карие зрачки. – Дали бы вам копиек десять, да еще и смертную рубаху покойникову.

- И – накормят, – вслух подумал я.
- А как же!
- Где покойник?
- У своей хате, – идемте?

Пошли встречу надсадному крику.

- Юфи-им... а, бо дай...

Встречу нам по мягкой дороге ползли тени, за кустами на реке шумела детвора, плескалась вода, кто-то строгал доску – в воздухе плавал всхлипывающий звук. Человек, не торопясь, сказал:

– Была читалка старушка – вот ведьма была! Свезли ее до города, ноги у нее отнялись... а надо бы – языку! Такая была надобная, только лаялась очень...

Черный щенок, величиною в большую жабу, подкатился на трех лапах под ноги нам, поднял хвост и грозно зарычал, нюхая воздух розовым детским носом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.